

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

С древних времен
дальневосточное племя
айнов изгоняло болезни с
помощью керамических
статуэток. Дойдя до наших
дней, одна из кукол стала
не дарить, а отбирать
жизнь...

Алина ЕГОРОВА

Колдовской оберег

Артефакт & Детектив

Алина Егорова
Колдовской оберег

«ЭКСМО»

2013

Егорова А.

Колдовской оберег / А. Егорова — «Эксмо», 2013 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-65525-0

С древних времен дальневосточное племя айнов изгоняло болезни с помощью керамических статуэток. Если фигурка разбивалась, человек исцелялся... Странную глиняную куклу Юле подарила чудная старуха, и с тех пор девушка носила ее в рюкзаке, не подозревая, каким сокровищем обладает. Приехав из Южно-Сахалинска в Петербург, Юля надеялась найти работу и остаться в Северной столице, но у нее ничего не получилось. Отчаявшись, она отправилась к своей подруге Саше, тоже перебравшейся в Питер, но до ее дома добралась с трудом – на пустыре на нее попытались напасть, а случайный прохожий, решивший ее защитить, погиб. Юля пока не знала, что всему виной керамическая статуэтка, которой на самом деле несколько тысяч лет...

ISBN 978-5-699-65525-0

© Егорова А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1920 г., Сахалин	5
1989 г., Сахалин	7
Наши дни. Санкт-Петербург	13
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алина Егорова

Колдовской оберег

*На острове Хоккайдо над рекой Сару висится деревянный столб.
В этом месте, по преданию, спустились на Землю первые айны, покинув
Страну облаков.*

1920 г., Сахалин

– Луна и ветер, трава и вода, земля и небо! Рыбы, птицы, всякие твари, душу имеющие, заклинаю вас, дайте мне вашу силу! – произнесла Ила наговорные слова, водя руками над водой. Так делали в ее семье все женщины по материнской линии. На протяжении многих лет в ночь перед цветением белокопытника одна из них приходила к воде, чтобы взять у природы ее живительную энергию.

Чернота воды лесного озера отразила девичье лицо с крупными, мягкими чертами: белое от лунного света, с высокими скулами, узкими яркими глазами и полукругом гусарских усов над верхней губой. Ила опустила в воду керамическую фигурку и стала медленно, кругами водить ею, купая в собственном отражении.

– Силой своей наделяю. Силой, данную ветром и луной, травой и водой, небом и землей. Заберите хвори и недуги, заслоните от напастей, злых духов, бесов земных, языков людских, помыслов недобрых. Здравие, разум подарите, ловкостью, умением наделите.

Совершив ритуал, девушка вытащила оберег из воды, положила его на свою широкую ладонь, чтобы он просох. Насыщенный лунный свет серебрил капли воды, Ила смотрела на куклу, про себя продолжая читать заклинание.

Эту керамическую статуэтку Ила получила от старшей сестры, а та – от матери, к матери она попала от бабушки. В их роду она передавалась из поколения в поколение и накапливала женскую энергию. Каждая из ее владелиц разговаривала с куклой, просила природу наделить ее светлой силой. Заговоренная фигурка обладала сильнейшей энергетикой, ее история исчислялась тысячелетиями. Женщины сами решали, когда передавать статуэтку новой владелице, а та уже могла распоряжаться ею по собственному усмотрению. От своей хозяйки кукла отводила опасности, берегла ей жизнь. Но главное назначение керамической фигурки состояло в другом. С древности айны изгоняли болезни с помощью статуэток из керамики дзёмон. Считалось, что, разбивая фигурку, человек исцеляется. Отбитая часть куклы соответствует части тела больного. Ила не сомневалась, что их семейная реликвия поможет ее жениху, сыну каторжанина и поволжской крестьянки Степану.

Айны не любили принимать в свою семью чужаков. Смешанные браки у них не приветствовались ни старейшинами поселения, ни родней. Приехавшие на остров чужаки вели себя как варвары. Они не почитали духов природы, уничтожали все живое ради собственной наживы, без надобности вырубали леса, убивали птиц и зверей сверх меры, ловили рыбу, идущую на нерест. Рыба шла по реке из последних сил, она становилась вялой и тяжелой. Ей только и оставалось, что отнереститься и умереть. Испокон веков островитяне считали нерестящуюся рыбу неприкосновенной. Она имела дурной привкус и была слишком легкой добычей.

Степан очаровал Илу красивыми речами и умом. Он изучил ее родной язык, который чужеземцы не считали нужным знать. За это Степана уважали ее родители и почти примирились с выбором дочери.

Умный, обходительный, по-своему красивый, Степан мог бы быть завидным женихом, если бы не один его недостаток. Он уродился криворуким. Обе его руки в локтях сгибались

назад, не как у всех людей. Оттого Степан был никудышным работником. А кому такой зять нужен? Ни огород вскопать, ни дом починить, ни рыбы наловить не способен. Да и люди пальцем будут показывать, скажут, отдали дочь за уродца, никому лучше она не приглянулась. Иле недостаток жениха не казался уродством. Она относилась к нему как к особенности и даже к доброму знаку. Раз боги создали Степана не таким, как все, значит, у них есть на него какие-то планы, и планы эти, как все божеское, светлые.

Только отец недоволен. В их семье все мужчины были знатными охотниками и рыболовами. Быстрые – быстрее ветра, сильные – сильнее грома, с зоркими глазами и отважными сердцами. Во время нашествия японцев они бились насмерть. Враги боялись их стрел, что они носили в своих волосах. А если снова на их землю враг придет? Степан не сможет встать на защиту семьи. В таких руках, как у него, топор не удержишь и в цель не попадешь.

Поговорив с женихом, дабы не идти против его воли, Ила решила избавить Степана от его врожденного недостатка. На растущую луну она передаст ему оберег, он бросит его о камни, что на высокой сопке. У куклы отколются ее керамические руки, они полетят в ущелье, унося с собой из рук Степана хворь.

1989 г., Сахалин

– Манжетов! Едрид Мадрид! Ты еще и недоволен?! Тебе радоваться надо, что ты так легко отделался – всего лишь отчислением! – ворчал замдекана на нерадивого студента. Павел Ильич ходил по кабинету, стараясь не смотреть в сторону лежащего на столе подписанного приказа об отчислении. – Понимаю, обидно вылетать с четвертого курса. Думаешь, мне не жаль с тобой расставаться? Жаль, еще как жаль! Ты ведь хороший парень, учишься прилежно, не то что другие, – листал он зачетку Манжетова, пестрящую «отлично» и «хорошо». – Но я ничего не могу поделать – так решил Резаков, а он своих решений не меняет.

Осип Манжетов совсем сник, он еще надеялся остаться в институте, а тут получается, что все – приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Ректор института Петр Игоревич Резаков имеет крутой нрав, он и за незначительный проступок может отчислить, попадись ему под горячую руку, а уж за то, что совершил он, Осип Манжетов, «расстрел» был гарантирован.

– И академку тебе не оформить – вот что паршиво! Ну что ж, отслужишь в армии, а через пару годков милости просим на третий курс. Зачислить тебя на четвертый, увы, не получится. Таковы правила. Радуйся, что не на первый. А то глядишь, из армии тебя раньше выгонят с твоими-то руками, – подбодрил Осипа Павел Ильич.

Манжетов посмотрел на свои руки – обычные, в общем-то, руки, с длинными пальцами и аккуратно подстриженными ногтями. Но эти руки неделю назад уронили гордость факультета – череп медведя, которого подкармливал сам Крузенштерн. Череп при ударе о бревенчатый пол институтского музея раскололся на мелкие части и ввиду своей ветхости восстановлению не подлежал.

– Я все склею! – в ужасе бросился собирать остатки бывшего медведя Осип, надеясь исправить положение.

– Нет! Только не ты! – зашипела на него лаборантка – молодая, очень некрасивая женщина с неправильной дикцией, из-за которой ее речь напоминала змеиное шипение. Она и сама, в больших круглых очках, с косой на затылке, походила на кобру. Лаборантка тоже надеялась реанимировать раритет.

Весь факультет вместе с преподавательским составом знал о феноменальной способности Манжетова все ронять и ломать. Делал он это не нарочно, так получалось само собой: случайно рвал билеты на спектакль и на автобус, а когда склеивал, выходило неаккуратно, так что лучше бы не склеивал вовсе; постоянно бил посуду, в его руках ломались даже гвозди! Парню старались не давать прикасаться к оборудованию, не просили что-нибудь принести-унести, подержать, подать, особенно когда речь шла о хрупких вещах. И уж, само собой разумеется, никто бы ему не позволил брать в руки музейный экспонат, но недоглядели, и Манжетов взял его сам.

– Я только посмотреть хотел, как он снизу выглядит, – оправдывался Осип.

– Теперь уже никак! – зло шипела лаборантка.

Манжетова отчислили очень быстро, так что он сразу попал под еще не закончившийся весенний призыв. Из-за того, что юноша учился на археолога, полковник из военкомата лихим росчерком шариковой ручки отправил его в инженерно-саперные войска. Более неподходящих войск для Осипа сыскать было трудно, но поняло это командование поздно. Первые сомнения в пригодности Манжетова к воинской службе возникли у старшины, когда молодой боец не справился с заправкой постели. Как ни старался Осип, у него выходило из рук вон плохо. Не помог даже принцип «не можешь – научим, не хочешь – заставим». Боец не вылезал из нарядов, где вреда от него было больше, чем пользы. Вместо мытья полов он размазывал грязь, а картошку уничтожал в ведре с помоями, вместо того чтобы ее чистить. Если бы не четыре курса института за плечами и отличные показатели по теории на учебных занятиях, Манжетова заподозрили бы в умственной неполноценности. Может, прикидывается, чтобы не слу-

жить, или хуже того – саботирует с целью подрыва обороны страны? – предполагали командиры. Только зачем таким изощренным способом? Гранату швырнул не вперед, как положено, а за спину. Благо та была учебной, но лицо сержанта отутюжил, за что тут же получил сдачи. Собирая автомат, Манжетов сломал его с первой же попытки, а на стрельбище прострелил себе ладонь. Ранение было плевым – пуля не задела кость, но после восстановления в армейском медпункте командование решило комиссовать горе-солдата ради собственного спокойствия.

Осип вернулся в институт, но не на третий курс, как ему обещал замдекана, а на первый, и на вечернее отделение вместо дневного. За год, отданный им вооруженным силам, в институте сменился декан факультета, а новая метла метет по-новому – Павла Ильича попросили уйти. Новый декан не пожелал принимать во внимание тот факт, что Манжетов уже отучился семь семестров, и раз он был отчислен, значит, неспроста, и такой должен поступать в их вуз на общих основаниях, то есть начинать учебу с первого курса.

Обладай Манжетов не таким упрямым характером, он отнес бы документы в другой вуз и попытал бы счастья там, чем тратить столько времени ради получения, в общем-то, непрестижной профессии археолога. И не то чтобы он с детства мечтал ковыряться в древности, изучать прошлое по кропотливо собранным частицам.

Осип долгое время к истории относился равнодушно, а кем быть – такой вопрос перед ним не вставал. «Учись хорошо, сынок, – наставляла мать, – тогда из тебя толк выйдет». Он и думал, что толк – это самое главное. Разумеется, Манжетов не ошибался, потому что под этим словом подразумевал профессионализм, а он ценится на любом поприще. Осип рос сообразительным мальчиком, ему давались математика и гуманитарные предметы, легко усваивал языки, обладал музыкальным слухом и неплохо пел. Казалось бы, с такими способностями перед ним были открыты любые двери: только выбирай, в какую войти. Но имелось одно обстоятельство, которое не только накладывало существенные ограничения в выборе специальности, но и усложняло ему жизнь.

У Осипа Манжетова с рождения руки росли не из того места. «Какие музыкальные пальчики! Пианистом будет! – воскликнула его мама, впервые увидев своего новорожденного малыша. – И глазки-пуговики, и носик-кнопочка», – любовно нахваливала она. Воображение женщины рисовало отрадные картины будущего. Ее ребенок будет умным и талантливым, он построит дом – не то что его отец, который гвоздя не может забить, – станет ее опорой и первым помощником. Но Ося оказался копией отца. Пока мальчик рос, в доме не осталось ни одной целой чашки и тарелки, у него все валилось из рук, даже почерк был таким, что курица могла составить ему конкуренцию в чистописании. В детском саду Осе не давались аппликации и поделки из пластилина. Во втором классе он не смог пришить пуговицу к лоскутку, в третьем не справился с конструктором, в пятом на уроке труда отбил себе пальцы, пока заколачивал в доску гвоздь. Упрямый гвоздь скрючился змейкой, но все равно не дался. Глядя на горе-ученика, трудовик, чтобы избежать с ним хлопот, отстранил его от работы вообще. Он назначил Манжетова кем-то вроде конструктора – не обидно и со вкусом. Мальчик придумывал эскизы поделок, подсчитывал количество материала, а изготавливали их другие.

Когда ему было двенадцать лет, все его одноклассники увлекались авиамоделированием. Дети рисовали и потом выпиливали лобзиком детали моделей самолетов, склеивали их, раскрашивали. Ребята ставили собственноручно сделанные модели на книжные полки над своим письменным столом и приглашали товарищей в гости «посмотреть коллекцию». Осип тоже мечтал о такой коллекции, он был согласен хотя бы на один захудалый самолетик. Для этой цели он пришел в Дом культуры и записался в кружок авиамоделирования. Предвидя реакцию родителей, соврал им, что ходит на шахматы. После трех неудачных занятий «шахматами», с порезами на руках и с подаренным руководителем кружка за старания макетом самолета Манжетов свою затею оставил.

– Голова у тебя золотая, ею и работай, а руками не надо, – говорили Осипу учителя.

Учась в выпускном классе, эту рекомендацию он слышал все чаще. Манжетов уверенно шел на серебряную медаль (золотую не позволяли получить отметки по труду и рисованию), дающую право вне конкурса поступить практически в любой вуз. С такой перспективой он мог бы стать кем угодно: хоть журналистом, хоть инженером; получить модную специальность юриста или экономиста, учиться на дизайнера, военного, врача. Последние Осипу были противопоказаны, и никто не сомневался, что юноша выберет деятельность, предполагающую исключительно умственный труд. Куда лучше сидеть в уютном офисе, носить на работу белую сорочку, чем стоять в пыльном цехе в грубой спецовке. Но Осип ощущал себя обделенным. Ему казалось, что куда лучше работать руками, что-то создавать, чтобы прочувствовать рабочий процесс и увидеть результат собственного труда. Его руки жаждали деятельности. Хотелось построить дом – самому. Ремонтировать автомобиль – тоже самому. Манжетов знал его устройство, а вот приложить руки не мог. В его руках все ломалось и портилось, из-за этого Осип часто чувствовал себя никчемной личностью, разрушающей все вокруг. Друзья и близкие знали эту особенность Осипа и почти никогда не винили его. Почти – потому что любое, даже ангельское терпение имеет предел, и, когда он в очередной раз что-нибудь разбивал или ломал, у пострадавшего нет-нет да нервы сдавали.

Все мужчины рода Манжетовых были растяпами с дырявыми руками или «руками-крюками», как отзывались о них окружающие. Никто из них в доме даже гвоздя забить не мог. Во избежание разрушений интерьера и травм в виде отбитых пальцев эту работу выполняли женщины. Тем не менее, мужчины оставались достойными людьми: они не злоупотребляли спиртным, были хорошими семьянинами и примерно трудились на благо общества, выполняя интеллектуальную работу. Отец Осипа, Георгий Михайлович, грузный, крепкий мужчина, любил возиться в саду: скамейку починить, теплицу наладить или еще что-нибудь полезное сделать по хозяйству. Любил, но не умел. Все у него выходило криво, хлипко и плохо, так что от его работы было больше вреда, чем пользы. Георгий Михайлович хотел быть строителем, во время его молодости строители ох как ценились – кругом шли стройки, труд строителей хорошо оплачивался, и профессия была в почете. Да и самому приятно смотреть на свою работу – на новенькие здания, которым стоять и стоять долгие годы. Их и знакомым можно с гордостью показывать, и детям, и внукам. А если ты управленец или бухгалтер, кто твой труд увидит? Бумажками, что с места на место перекладываешь и в портфеле носишь, не похвастаешься, не виден твой труд никому, даже самому себе, рассуждал отец Осипа в молодости. Но так уж вышло, что стал Георгий Михайлович сметчиком при строительном управлении. Он был хорошим работником, мог с ходу прикинуть нужную сумму, одним глазом взглянув на план строительства. Считал он быстро и в основном в уме, только в некоторых случаях пользовался калькулятором, больше для самопроверки. Но руки все равно скучали по работе, а она была не для них.

Деда Осипа, Михаила Степановича, бог тоже не миловал, руки у него были, что клешни у дальневосточного краба – большие, сильные и неловкие. За них он и пострадал, да так, что будь здоров – получил клеймо изменника Родины, а это не клякса на рубашке, скипидаром не выведешь. В лихие сороковые Михаил Степанович сгинул, и Осип своего деда никогда не видел. А что с ним случилось, жив он или нет, об этом в семье Манжетовых говорить было не принято. Никто о нем и не говорил, только имел каждый свою версию: Георгий Михайлович считал своего отца геройски погибшим на войне – так об отце ему думать было приятнее; Нелли Ефремовна, жена Михаила Степановича, напротив, считала мужа предателем, а Осип не думал ничего – он привык опираться на факты, а их у него не имелось. Осип осторожно выспрашивал у родни о деде, но никто ничего ему толком не говорил, все ограничивались общими фразами: дескать, взорвал нужный нашим войскам мост и сдался в плен японцам. О том, что сержант Манжетов угодил гранатой в стратегический объект по неосторожности,

никто среди командования не вспоминал после того, как тот пропал. Особист сразу же узрел в поступке Михаила Степановича диверсию и завел на него дело.

– Почему ты считаешь деда героем, он же в плен сдался? – приставал Осип к отцу.

– Он воевал, а это уже героизм. Мы живем в мирное время, сыты, одеты, с крышей над головой, и уже только поэтому не имеем никакого права осуждать поколение, на чью долю выпала война. Сдался мой отец в плен или нет, я не знаю. Да хоть бы и сдался! Я не вижу ничего дурного в том, чтобы выбрать жизнь вместо никому не нужной смерти.

Осип был солидарен с отцом – окажись на месте деда, он и сам предпочел бы харакири жизнь. «И почему у нас за это считают изменниками Родины? – не понимал он. Свои мысли по этому поводу Осип старался держать при себе, и на то имелось несколько причин. Во-первых, бабушка придерживалась иной точки зрения относительно поступка деда, а расстраивать ее своими заявлениями не хотелось; во-вторых, в их дворовой ребячьей компании предательство не прощалось, в военных играх ни в коем случае нельзя было сдавать пароли, иначе все – признают иудой и перестанут дружить; в-третьих, Осип не любил безотносительных рассуждений. Знать бы обстоятельства, заставившие деда взорвать мост, нужный своим же, и причины последующего его исчезновения, – думал Осип, – тогда можно будет сказать наверняка, кем был дед – героем или изменником Родины. Но, видно, концов в той давней истории не найти».

Единственный человек, который хорошо знал деда – бабушка, почему-то не на его стороне. А ведь она вышла за деда по любви. Он не раз видел, как бабушка с трепетом перебирала хранящиеся в коробке из-под конфет старые, довоенные фотографии и письма. Лишь на этих фотографиях Осип и видел Михаила Степановича: статный, коренастый, с густой клинообразной бородой, он нежно обнимает могучей рукой белокурую молодую девушку – свою невесту Нелли. Бабушка в нарядном ситцевом платье, облегающем ее пышную фигурку, очаровательно улыбается и прижимает к груди букет ландышей.

Бабушка охотно показывала близким свое сокровище – несколько старых фотографий да письма. «Тогда Миша был другим, и я люблю его того, а такого, каким он стал, знать не хочу!» – объясняла Нелли Ефремовна.

Неужели военный проступок деда перечеркнул все, что было между ними?! – недоумевал Осип. Что это? Комсомольский фанатизм или желание отвести удар от семьи? Он бы еще понял, если бы Нелли Ефремовна так себя вела в далеких сороковых, сразу после объявления деда врагом народа, ну а сейчас-то что ею движет? Кроме как преклонным возрастом, объяснить для себя странное поведение бабушки Осип не мог.

Он уже смирился, что тайна так и останется покрытой мраком. Но вот однажды в Пятиречье, где он в гостях у бабушки проводил свои школьные каникулы, Осип отправился к лесной реке ловить рыбу. Приближаясь к реке, сквозь редкую листву деревьев Осип заметил чей-то силуэт. Осторожно, чтобы не выдать себя – а то мало ли кто там, – он подошел к берегу и встал за толстый ствол боярышника. Он узнал Дикую Илу – так за глаза называли люди странную немолодую женщину, что жила на окраине Лютни, ближайшего к Пятиречью поселка. Ила была нелюдимой, часто разговаривала с травами, водой, камнями, деревьями, всякой живностью. Она считала, что они тоже душу имеют, слушают, понимают, действуют, только обличье имеют иное, не человеческое. Эта манера общаться с окружающей средой вызывала кривотолки. Злые языки приписывали Дикой Иле связь с нечистой силой, поговаривали, что она умеет колдовать и знает то, что другим неизвестно; речь ее зачастую непонятна, но силу имеет и нередко бывает пророческой.

Вопреки своим девяти годам Ила двигалась энергично, словно юная девушка. Осанка прямая, походка упругая; длинная одежда скрывала тело старухи, и со спины можно было принять ее за молодую. Но вот она поворачивалась – и обнаруживалось сморщенное, с нечеткой татуировкой вокруг рта лицо. Люди говорили, что это у нее с юности. Среди айнов, а Ила принадлежала к этому народу, так было принято: девушкам ножом делали множество надрезов

вокруг рта и втирали в них сажу. Начинался процесс с нанесения небольшого пятнышка над верхней губой, которое постепенно увеличивалось в размерах. К возрасту, подходящему для замужества, девушка обзаводилась полноценной татуировкой в виде эллипса, напоминающего густые гусарские усы. Чем больше и ярче были усы, тем лучше считалась невеста. Несмотря на то что татуировка Илы была очень крупной, в жены ее никто не взял.

Ила разулась, задрала подол и шагнула босыми ногами в ледяную воду. Уверенно держась на скользких камнях, она с завидной ловкостью собрала сеть и потащила ее на берег. В сети плескался богатый улов кеты. Осип подивился, как у этой старой, хрупкой женщины хватает сил тащить такую тяжесть. Женщина выбрала несколько рыбешек, а остальных выпустила назад, в реку.

Наверное, не донести ей такую тяжесть, поэтому и берет понемногу, подумал Осип. Юноша не знал, что айны никогда не берут у природы лишнего, будь то рыба, птица, шкуры животных или сырье, – лишь столько, сколько им необходимо для жизни.

– Вам помочь? – подошел он ближе.

Ила подняла на него глубокие, темные, как ночь, глаза. Она нисколько не удивилась появлению Манжетова, будто знала, что он здесь. Старуха остановила на нем изучающий взгляд. Повинуясь гипнозу, Осип замер. Ему показалось, что его затягивает в воронку.

– Не надо, – отрезала она. – Будет только хуже.

Осип смутился. Так ему часто отвечали, когда он вызывался помочь. Но то говорили близкие и знакомые люди, и он не обижался, а ей-то откуда известно?

– Твой прадед родился криворуким, и дед твой был криворук. Отец твой тоже не помощник. И сына твоего, когда родится, ждет та же участь, – словно прочитала его мысли Ила. – Так было и так будет всегда, пока один из вас не разорвет круг. Перед каждым однажды открывается дверца возможности его разорвать. Перед прадедом твоим она открывалась, и перед дедом, и перед отцом. Перед тобой тоже откроется. Твой прадед был слеп сердцем, дед упрям, отец не верил, а ты – ты пока недостаточно знаешь.

Голос Илы был низким, с хрипотцой заядлого курильщика. Такими голосами обычно озвучивают отрицательных персонажей в сказках. Глубокий взгляд, голос, странные слова – все вместе вызывало у юного Осипа оторопь.

«Что я пока недостаточно знаю?» – хотел он спросить, но язык не слушался.

– Возьми это, – Ила сунула в его карман свернутый трубочкой кусок медвежьей кожи. – Не пытайся развернуть, пока не почувствуешь уверенности в своих руках. Иначе уничтожишь!

Ила ушла, а Осип так и стоял огорошенный. В кармане его куртки болтался сверток, он упирался в бок, и казалось, что это старуха прикасается к нему своими костлявыми пальцами.

Он понял, почему медвежью кожу ему будет трудно развернуть – она зафиксирована в свернутом виде рыбьими зубами. Да уж, работенка не для его неуклюжих рук! Придя домой, Осип зло зашвырнул старухин подарок с глаз долой на чердак, чтобы не вспоминать о нем. Тогда его совершенно не интересовало, что может быть внутри свертка и что значат похожие на бред странные слова Дикой Илы.

Сумасшедшая старуха болтает не пойми что! – позже убеждал себя Манжетов и почти убедил, но все-таки... Неспроста люди всякое говорят про Дикую Илу. И бабушка Нелли Ефремовна как-то ее упоминала в разговоре про деда.

Прошло время. Пытливый ум Осипа не давал ему покоя. Загадки всегда притягательны, а в юном возрасте, да еще имеющие отношение к собственной семье, притягательны вдвойне.

Однажды он был свидетелем, как в городской библиотеке студенты-археологи получали редкие издания по краеведению. Из их разговоров Осип понял, что студенты участвуют в научной экспедиции, направленной на изучение истории острова. А потом он увидел их палаточный лагерь недалеко от Пятиречья. Они готовили еду на костре, вечерами брэнчали на гитаре, а днем производили раскопки.

– Можно к вам? – попросился Осип. Ему захотелось хлебнуть веселой походной жизни и при этом делать что-нибудь полезное. – Я копать могу.

– Э, брат, копать – дело нехитрое. Надо знать, где копать.

Осип решил учиться на археолога, чтобы так же, как эти студенты, ходить в экспедиции, ночевать под звездным небом, слушать стрекотание сверчков, печь картошку на костре. А еще он рассчитывал, что институтские знания и экспедиции помогут ему узнать семейную тайну.

Наши дни. Санкт-Петербург

Городские пустыри полны сюрпризов, как шляпа факира. Ступая на их территорию, совершаешь шаг в неизвестность, ибо от пустырей можно ожидать чего угодно. Особенно в темное время суток и особенно летом – теплая погода благоприятствует промыслу сомнительных личностей. Один такой пустырь – между давно не работающим кирпичным заводом, застывшей на этапе котлована стройкой и дикими пляжами на берегах трех мутных прудов – доставлял сотрудникам полиции много хлопот. Его давно облюбовали в качестве места отдыха дальнобойщики и бомжи, а также гастарбайтеры, неприкаянная молодежь и местные забулдыги. Летом здесь купались, загорали, жарили шашлыки неприхотливые граждане. Шашлыки на пустыре жарили и зимой, но уже не так активно, как летом. Дразнящий аромат жареного мяса чувствуется за пределами пустыря – на шоссе и на дорожке, ведущей к близлежащему жилому массиву. Высокая трава и кустарник создают все условия для приятного времяпрепровождения на природе не слишком взыскательной публики. Не тронутая садовыми ножницами буйная растительность отлично маскировала следы пребывания отдыхающих: шприцы, битое стекло, пластик и закопченные мангалы. Здесь время от времени случались пьяные драки и грабежи. Поэтому большинство граждан старались лишний раз сюда не соваться, несмотря на то что путь напрямки через пустырь гораздо короче к шоссе и к остановке, нежели если идти в обход.

Самый пик сезона тут июнь: белые ночи, пруды, вода которых при вечернем солнце отликает серебром, аромат полевых цветов, стрекотание кузнечиков. Июль уже не такой светлый, но тоже популярный. Ночью он окутывает темной вуалью звездного неба, а днем загоняет в тень горячим солнцем. В феврале, в ноябре нет-нет да и вспыхнут звездочками пара костерков. Завсегдатаев пустыря могут разогнать, пожалуй, разве что сильный мороз и проливной дождь.

В ранний час после обильного дождя, когда темное августовское небо едва окрасилось цветными полосками зари, на пустыре не было ни души. В домах, что стояли рядом с пустырем, светились кое-где окошки, но большинство граждан видели седьмой сон. Даже бомжи спали в своих норах. И только следственная группа сонно топталась на заросшем бурьяном берегу пруда, вызванная сюда по звонку пенсионера Рыбакова Евгения Валерьевича. Он вышел погулять на пустырь со своим питомцем, фокстерьером Угриком и обнаружил труп мужчины. Рыбаков позвонил в полицию. Дело было во втором часу ночи, и пока группа собралась, пока доехали, начало светать.

– Мы обычно последний раз в десять часов гуляем, где-то полчаса или час, если погода хорошая. В дождь так минут десять, не больше – только туда и сразу назад, чтобы не мокнуть, – делился Евгений Валерьевич расписанием собачьих прогулок. – А на днях Угрик приболел. Ест плохо, лишь воду пьет и на улице постоянно просится.

– Все это очень интересно, но хотелось бы ближе к теме, – не вытерпел оперативник Небесов.

– Не торопитесь, молодой человек! Вы сбиваете меня с мысли. На чем я остановился? Так вот. Я спал, на дворе ночь-полночь, слышу сквозь сон, а сон у меня чуткий – я комариный писк во сне слышу, – Угрик скулит – в туалет, значит, просится. Я встал – а что делать? Оделся, ну и пошли мы по его делам. Вышли из парадной – мать честная! Дождь хлещет, а я без зонта, и не вернешься за ним – когда животное больное, приходится под него подлаживаться. Шут с ним, с зонтом этим, думаю. Не сахарный, не растаю, да и быстро мы – одна нога тут, другая там. А двор у нас, видели, какой? Еще не ходили? Так я вам скажу – это не двор, а армейский плац – сплошной бетон, ни кустика, ни газона. Поэтому мы с Угриком через дорогу на пустырь ходим. Он у меня воспитанный, чтобы среди улицы лужу сделать, это ни-ни, ходит только куда положено. Мы с ним выбежали из-под козырька и поскакали рысью. Добежали до травушки,

Угрик свои дела сделал. Домой, говорю, пошли! Он обычно слушается, а в этот раз будто бес в него вселился – как рванул в темноту, только его и видели. Угрик, Угрик, зову. Ноль внимания. Потом слышу, воеет. Протяжно так... Я на слух пошел, а слух у меня отличный – я в армии на трубе играл. Вышел к пруду, а там – мать честная! Человек лежит без движения, и не бродяга какой-нибудь, судя по одежде, а я в одежде разбираюсь – пятнадцать лет метрдротелем проработал, всякую шелупонь на раз вычисляю. Такие дела: сначала решил, что пьяный, – кивнул пенсионер в сторону трупа. – Перебрал человек, с кем не бывает? А потом сообразил, что к чему, когда в лицо ему глянул. Я мертвых по лицу влегкую определяю – по молодости санитаром в морге подрабатывал. Ну вот, констатировал смерть и вас вызвал.

– Правильно сделали, что вызвали. А собака ваша где?

– Так дома же. Я вам позвонил и домой пошел.

– Вы ничего подозрительного не заметили? Может, кого-нибудь по дороге встретили? Или на пустыре кого видели? – продолжал задавать вопросы Небесов.

– Да кто же в такую погоду по ночам здесь сидеть будет? Не было никого. Хотя обождите. Когда мы с Угриком со двора вышли, со стороны пустыря быстро шла одна деваха. Даже не шла – бежала. Оно и понятно, почему бежала – мокнуть-то кому охота? И так изгваздалась, как чучело огородное. Босоножки на высоченных каблуках – как она на них не навернулась? Я бы в такой обуви сразу распластался бы, хоть сноровка у меня будь здоров, я в детстве фехтованием занимался. Волосы рыжие развеваются, как у ведьмы, куцая курточка посюда, – свидетель провел ребром ладони по талии, – юбка короче некуда, прости господи. Сразу видно – жрица любви. У меня на их сестру глаз наметан – я, когда в гостинице работал, на путан насмотрелся. Мы еще с Угриком подумали: чего ее через пустырь понесло? Денег на такси, что ли, не хватило, чтобы до дому доехать? Им же клиенты на такси дают или сами отвозят, – проявил осведомленность Рыбаков. – А этой, видно, не повезло.

– Куда она пошла, не видели? – спросила Валентина Семирукова – молоденькая следователь. Она пока чувствовала себя здесь не в своей тарелке и все больше молчала. До этого ей серьезных дел не доставалось – обычно поручали бытовуху, где все просто и прозрачно, тогда как Валя мечтала о запутанном, громком деле со страстями и страшными тайнами. Или хотя бы просто запутанном.

– Видел, барышня, а как же. Глаз у меня зоркий, не смотрите, что я старый – я до сих пор всю таблицу вижу. В шестой дом пошла, шалава. Постояла немного, как бы прикидывая, пустят ее домой или нет, и нырнула в крайнюю парадную.

– Михаил, – обратилась к Небесову Семирукова. – Нужно будет тщательно обойти шестой дом и найти эту женщину. Рыжие волосы – деталь весьма приметная, так что, думаю, справитесь.

– Угу, справимся, – хмыкнул Михаил со снисходительной улыбкой. Сами, мол, с усами, не первый год работаю, в отличие от некоторых.

Валентина от этого его «угу» поежилась. Оно царапнуло по ее самолюбию. Она понимала, что у коллег опыта куда больше, чем у нее, и поэтому они, как этот оперативник, посматривают на нее свысока и ее распоряжения воспринимают если не в штыки, то снисходительно. Но она не виновата, что в данном случае руководить процессом приходится именно ей и давать указания – ее прямая обязанность.

Валя сделала вид, что не заметила сарказма. Она отпустила свидетеля домой и принялась дальше осматривать место происшествия.

Погибшим оказался мастер по интерьеру, работавший в строительной компании «Милый дом» Плюшев Елисей Витальевич. Это явствовало из найденного в его кармане пропуска. Елисею Витальевичу было неполных тридцать лет, он был зарегистрирован в четырнадцатом доме по Яхтенной улице и, судя по тому, что Яхтенная находилась рядом, проживал там же. А эта

информация стражам порядка стала известна из паспорта потерпевшего, обнаруженного тоже в кармане, но уже в другом.

Свет фонарика выхватил лежащий поодаль в траве портфель – непрезентабельный, рабочий, чем-то набитый до отказа. При осмотре в нем обнаружились инструменты: рулетка, гвозди, плоскогубцы, молоток.

– Набор мастера по интерьеру, – констатировал эксперт Потемкин.

– А может, это не его? – усомнилась Валентина, подходя ближе.

– Все может быть, – не стал спорить эксперт.

– Вероятно, мужик шел с работы. И не дошел. Вон квитанция заказа в портфеле: Земсков А. Грушевая, 16–45. 6 августа, 20.00. Установка карниза. 4 окна. На Грушевую улицу автобус ходит с другой стороны пустыря, – разъяснил оперативник.

– Чего это он так поздно с работы возвращался, загулял где-то, что ли? – предположила следователь.

– Валечка, а когда, по-твоему, он должен был возвращаться? Ты представляешь, сколько нужно времени, чтобы установить один карниз? А их у него в заказе четыре!

Коллеги снисходительно усмехнулись – баба есть баба. Хотя и при исполнении, а все равно баба. Куда она полезла в их мужское царство со своим бабьим умом?

Шла бы замуж, борщи варить или в школу английский преподавать, раз она его отлично знает. Ну, или занялась бы чем-нибудь прекрасным – флористикой, например, бантиками, бусиками... А ее понесло в самую грязь – туда, где грабежи да убийства. Феминизм, эмансипация... Тьфу! Ничего, помыкается по притонам да моргам, пообщается с контингентом и сбежит. Ладно бы, была выдавшей виды матроной на пятом десятке или железной леди с закоснейшей душой, а то совсем девчонка. Выпускница-отличница, хоть и старательная, да характером мягкая. Барышня тургеневская. Такую если не преступники, то начальство сожрет. Обо всем этом думал эксперт Сергей Потемкин, глядя, как Валя осторожно переступает через скрытые травой лужи. Едва она вышла из служебной машины и шагнула на размытую дождем дорожку пустыря, как сразу увязла в грязи. На ногах у мужчин были сапоги и грубые ботинки, а у нее – летние туфли.

Поймав на себе взгляд эксперта, Валентина смутилась. Ей стало неудобно за свои промокшие ноги и грязь на брюках.

– Меня так быстро вызвали, что я не успела найти кроссовки. Не хотела, чтобы меня ждали, – объяснила она.

– Запомни, Валечка. Труп все равно, сколько ждать – он труп. А если ты промочишь ноги, то это отразится на твоём здоровье. Беречь себя надо, – назидательно сообщил Потемкин.

Валя только насупилась. Осточертели уже эти отеческие рекомендации! И вот это уменьшительное «Валечка»! Все в ней видят дитя малое, а не специалиста. А то, что у нее на первом месте работа, а не собственная персона, так это ее плюс, а не минус.

– Сергей Викторович, как вы считаете, его могла убить женщина? – поинтересовалась Семирукова.

– Если смерть наступила от удара в висок острым предметом, то почему бы и нет? Чтобы швырнуть осколок кирпича в голову, много сил не надо. Вполне возможно, что Плюшев ее преследовал, она поскользнулась, упала и, защищаясь, бросила в него тем, что попало под руку. Хорошо бы найти этот предмет.

– Темно, как у Малевича в квадрате! Ни черта не видно, – проворчал Небесов. – Пока солнце не взойдет, искать бесполезно.

– А если фонариком посветить? – робко предложила Валя – капитана она побаивалась из-за его острого языка.

– Толку от этого фонарика! На вот, возьми, развлекайся! – Михаил сунул Валентине карманный фонарик.

Валя принялась усердно шарить белым лучом по мокрой траве. Раньше ей не доводилось выезжать на осмотр подобных мест преступления, все больше доставались либо помещения, либо асфальтированные участки. А тут все сразу: ночь, пустырь, высокая трава. Поди найди иголку в стоге сена. Чтобы не обнаружить своей растерянности, следователь стала сосредоточенно изучать место вокруг найденного портфеля. Валя сразу же поняла, что Михаил прав – в предрассветных сумерках искать смысла нет, да и при свете солнца найти что-либо в таких условиях будет весьма затруднительно. И Потемкин прав – ничего бы не случилось, если бы ее подождали пять минут – надо было не лететь сломя голову, а достать кроссовки. Теперь у нее в туфлях противно хлюпает вода и брюки запаханы почти по колено. Хорошо хоть брюки черные, грязь не так заметна.

Семирукова спиной чувствовала, что все сейчас на нее смотрят и посмеиваются. Особенно эта парочка: ехидный опер Небесов и зануда эксперт. Но она ошиблась. Каждый занимался своим делом.

– А это что? – раздался голос Небесова. Оперативник что-то обнаружил в пышных зарослях лопуха. Он аккуратно, чтобы не стереть отпечатки, поднял выхваченную лучом мобильного телефона какую-то куклу размером с детский кулачок. Миша еще не понимал, относится его находка к делу или нет. Его внимание привлекла ее необычная форма: кряжистое туловище, потерявшее голову и одну из неказистых рук, с непропорционально большими ногами. – Кукла какая-то. Что за уродливые игрушки нынче выпускают!

– Дай сюда, – откликнулся Потемкин.

Эксперт приблизился к Небесову, взял у него куклу и с любопытством принялся ее рассматривать.

В корявом куске то ли камня, то ли глины угадывалась женская фигурка с большим животом, с большими ступнями ног, длинной рукой. На месте головы и второй руки – свежие сколы. В свете фонаря на одном из сколов Потемкин разглядел бурую полоску.

– Похоже на кровь, – предположил он.

– Это и есть орудие убийства? – заглянула ему через плечо Семирукова.

– Экспертиза покажет, – лаконично ответил Сергей и бросил взгляд на Валентину: «Нда, послал бог следователя! Тургеневская барышня. И не матюгнуться при ней от души».

* * *

Последний клиент Плюшева Алексей Земсков – одутловатый мужчина лет шестидесяти, проживающий на Грушевой улице, ничем особо следствию не помог. Он ругался, сморкался в подол засаленной рубашки без пуговиц, обнажая выпирающее пузо.

– Да, вечером шестого числа приходил этот хрен безрукий устанавливать карнизы. Установил, как видите, вкривь да вкось! Халтурщик! В армии он у меня за такие художества из нарядов не вылезал бы! Зря ему деньги заплатил, все равно что на ветер выбросил. Сам бы все сделал гораздо лучше, если бы не радикулит, – ворчал Земсков. – Не заметил ли чего-нибудь подозрительного в поведении мастера? Заметил, а как же! Он постоянно глазами по сторонам рыскал, выглядывал, чего бы умыкнуть, но не тут-то было! Я его одного ни на минуту не оставлял. Но все равно на всякий случай проверил, на месте ли бумажник и часы, что мне подарили, когда я в отставку вышел, – Земсков провел грубыми пальцами по потрепанному ремешку часов на запястье. – Знаем мы их, проходимцев этих – одной рукой карниз криво вешаем, а другой – вещи в карман кладем!

Небесов никакой кривизны не заметил – карнизы висели, как им и положено. Как догадался Михаил, Земсков относился к той категории людей, которые во всем ищут недостатки и непременно их находят. Мише тоже досталось – на прощание Земсков высказал ему все,

что думает о работе полиции, а заодно о разгильдяйстве сотрудников коммунальных служб, торговли, поликлиник...

В указанной Рыбаковым парадной шестого дома оказалось тридцать шесть квартир. Все их предстояло обойти сотрудникам полиции. А заодно и остальные четыре парадных этого же дома стоило проверить. Жильцы открывали неохотно, отвечали на вопросы без энтузиазма, а многих вообще дома не оказалось. Итог многочасовой работы оперативников не радовал: как обычно, никто ничего не видел, не слышал, не знает. Или не хочет говорить, живет по принципу: моя хата с краю, – безрадостно заключил Небесов. В начале его службы, когда он после школы милиции только пришел в отделение, народ шел на контакт охотнее. Или ему это казалось? Сейчас Михаил носил капитанские погоны, но по-прежнему привлекался к поквартирным обходам. А что делать? Молодежь нынче в оперативники идти не хочет, все стремятся устроиться на спокойную должность, без сверхурочных, беготни и нервозности, чтобы не рыскать по улицам и подвалам в жару и непогоду, а сидеть за монитором и неторопливо стучать по клавиатуре.

Пока оперативники проводили розыскные мероприятия на Яхтенной улице, Валентина Семирукова в своем кабинете беседовала с сестрой погибшего Дарьей Витальевной Казарцевой.

Серо-зеленые глаза, острые скулы, короткая стильная стрижка, приглушенные сине-зеленые тона длинного платья, замшевые балетки. И еще духи с каким-то резким ароматом то ли герани, то ли иланг-иланга. Для своих тридцати четырех лет она выглядела очень хорошо. Стройная точеная фигура, узкие кисти рук...

При первом же взгляде на Казарцеву Валя отметила, что перед ней сильная женщина. Было в Дарье что-то, указывающее на привычку постоянно быть готовой к борьбе: возможно, напряженность лица, или жесткость всего облика, или же уверенная манера держаться. Такие люди ее настораживали, ибо они были способны на поступок. И одновременно восхищали, поскольку сама Валентина, несмотря на свою должность с громким названием «следователь», сильной себя отнюдь не считала. На работе она изо всех сил старалась выглядеть строгой и уверенной в своих действиях, чтобы перед коллегами и тем более перед подопечными не терять лицо. Но у самой часто возникали сомнения: а правильно ли она поступает, говорит, ведет себя? С точки зрения должностной инструкции и закона, Валя ничего не нарушала, но всегда находились варианты: можно формулировать вопрос иначе, задать его позже или раньше, в конце концов, придать голосу другую интонацию. На первом курсе Валентина увлекалась биоакустикой и знала, как важен голос и интонация при общении – от них зачастую зависит ответ на вопрос. Одни интонации могут заставить насторожиться, и собеседник, почувствовав подвох, закроется, а другие, наоборот, успокоят и вызовут доверие.

– Я понимаю, какое у вас горе, но была вынуждена вас пригласить сюда. Вы только не волнуйтесь, – сказала Семирукова больше себе, чем Казарцевой.

– Я не волнуюсь, – бросила на нее взгляд сестра Плюшева.

Валентина про себя отметила, что голос Дарьи соответствует ее облику – твердый, с томной хрипотцой.

Что-то она не похожа на убитую горем сестру, потерявшую единственного брата, думала Семирукова. До встречи с Казарцевой Валентине прислали досье на Дарью.

Судя по данным из досье, Дарья Казарцева работает администратором в торгово-развлекательном комплексе «Успех». Валя в этом комплексе была, когда выбирала себе пуховик. Комплекс большой: на цокольном этаже продуктовый супермаркет, выше – одежда, обувь, спортивные товары, украшения, посуда... Чего там только нет! На любой вкус и бюджет. На самом верху кафе, кинотеатр, боулинг, ночной клуб с рестораном. Таких комплексов, как «Успех», в каждом районе понастроили, они теперь вроде Домов культуры – чтобы провести

досуг, народ идет туда. «Успех» расположен далековато от Яхтенной улицы, Казарцева могла бы найти работу и ближе.

Родители Дарьи и Елисея были из детдома. Они погибли семь лет назад, и других родственников Дарья и Елисей не имели. Дарья была старше брата на четыре года. Казарцевой она стала после замужества. С мужем Дарья развелась, когда их сыну Сергею исполнилось два года. Впрочем, муж Дарьи ушел от нее еще раньше – почти сразу же после рождения ребенка, – не вынесла тонкая душа музыканта бытовых трудностей. Душа требовала тишины и вдохновения, а не бессонных ночей и безденежья. Дарья и Елисеем разменяли трехкомнатную родительскую квартиру в хорошем районе на две малогабаритные на окраине и поселились рядом на Яхтенной улице. Дарья в двенадцатом доме, Елисей – в четырнадцатом. Елисей уступил ей квартиру лучше – на седьмом этаже, с большой лоджией, а сам поселился на первом с маленькой кухней. Квартира Елисея стоила не на много дешевле, но когда денег в обрез, на счету каждый рубль.

– Ваш брат часто ходил через пустырь? – задала вопрос Валентина.

– Да. Как и все. Так ближе, если на автобусе ехать.

– И вы тоже через пустырь ходите? Ведь это опасно.

– Иногда, если без машины. Но только, когда светло.

– Вы на машине, стало быть, – отметила Семирукова.

– Сейчас нет. Она в ремонте почти две недели. Старая совсем, на ладан дышит.

– А у вашего брата машина была?

– Была, но он ее мне отдал. Хоть и старенькая, но зато своя. Сказал, тебе нужнее, ребенка возить и вообще, а я себе заработаю. Он о джипе мечтал, чтобы на рыбалку с друзьями ездить и нас возить. Осенью собирался покупать. Нет, не джип. Что-нибудь попроще. На джип у него денег не хватало.

– Хороший у вас был брат, – сказала Валентина и смутилась. – Простите, – зачем-то добавила она, совсем растерявшись. Ей еще не приходилось допрашивать людей, потерявших близких. И в этом деле требовалась деликатность.

– Вижу, вы совсем молоденькая, не знаете, как задавать вопросы в такой ситуации. Вы спрашивайте, не стесняйтесь, – ее состояние не ускользнуло от цепкого взгляда Дарьи.

Валя мысленно приказала себе собраться – ее растерянность заметна не только коллегам, а это ни в какие ворота не лезет. Придав голосу суровость, она продолжила допрос.

– У вашего брата были враги?

– Да какие враги?! Елик был мягким, безобидным, отзывчивым. Он с моим сыном тете-хался, с рождения с ним управляться помогал. Больше родного отца участие принимал, когда мы с ним еще вместе жили. Да что там с рождения! Я только узнала, что ребенка жду, Елик сразу меня заботой окружил – по магазинам ездил, в аптеку за лекарствами-витаминами, даже по дому прибирался, чтобы я не утомлялась. Берег меня, знал, что муж женскую работу делать не станет. Светлый был человечек, с кристальной душой, как у младенца. Я ему венок с белыми лилиями заказала, символ чистоты. На светлую память.

Голос женщины дрогнул, она достала из своей большой сумки платок и промокнула намокшие слезы.

– Хотите воды? – предложила Валя.

– Нет, спасибо. Вы не обращайте внимания, спрашивайте.

Легко сказать – спрашивайте. Сидит потерпевшая, слезу утирает, а ты ее спрашивай. И вопросы вроде уже закончились.

– Вы идите, Дарья Витальевна. На сегодня все. Если что, вас еще пригласят.

Казарцева исчезла за дверью, оставив после себя шлейф духов. Валентина распахнула окно, чтобы проветрить комнату, избавиться от резкого запаха. Как назло, в этот момент зашел Потемкин. Сергей Викторович, конечно же, не смог удержаться от замечания.

– Валечка! При открытом окне кондиционер работает зря!

Валя про себя чертыхнулась. Ну не успела она дойти до конца коридора и выключить этот проклятый кондиционер! А точнее – не собиралась. Думала быстренько проветрить и закрыть окно. Так нет же, обязательно нужно было кому-нибудь прийти и ткнуть ее носом.

– Да я на минуточку! Проветрить надо.

– Дело хорошее. На улице теплынь – ни ветерка, ни дождика. А это что? Сладостями балуемся? – кивнул он на открытую пачку печенья, оставленную в закутке на тумбочке с чайником.

«Сейчас скажет, что превратила рабочий кабинет в буфет, и вообще худеть пора», – подумала Валя. Про то, что худеть пора, Сергей Викторович, конечно же, промолчит – все-таки он человек интеллигентный, но подумать подумает. После того как ей стали тесными ее институтские брюки, Валентина почувствовала себя толстой. Она приняла решение непременно похудеть и, пока не похудеет, прятать «жир» под многослойной одеждой. Похудание давалось непросто ввиду того, что Валя не могла отказаться от сладостей. Если перейти на чай без сахара ей удалось довольно-таки легко, то пить его без пастилы и печенья она не смогла.

– Угощайтесь, Сергей Викторович, – предложила Семирукова.

– А давай угощусь! – неожиданно согласился эксперт. – А то уже скоро обед, а я чаю еще не пил.

– У меня только в пакетах.

– В пакетах... Что это за чай в пакетах?! Не возьмут тебя, Валька, замуж, если женихов таким чаем поить будешь. Ну, давай какой есть, выпьем и помой, мы не гордые.

Опять учит! Замуж не возьмут, видите ли. А ему какая печаль? Беспокоится, прямо-таки отец родной. И чашки, как назло, содой не почистила, все руки не доходили, а водой коричневые круги в них не отмываются. Можно представить, что о ней подумает этот ворчун. Может, сходить помыть?

Валя зыркнула на Потемкина, вольготно устроившегося на единственном кресле за чайной тумбочкой. Хоть бы стул для дамы принес! А, ну и пускай! Пускай пьет из грязной чашки! Барин выискался, чтобы для него еще чашки мыть!

– Скачет сито по полям, а корыто по лугам, – процитировал эксперт Чуковского.

Эрудит хренов! Валентина налила Потемкину полную чашку кипятка, не удосужившись опустить в нее чайный пакетик, чтобы немного замаскировать коричневые разводы на стенках чашки, и мстительно поставила перед ним сахарницу с затвердевшими остатками сахарного песка на доньшке. В тумбочке у нее лежала новая пачка сахара, но она нарочно не стала наполнять им сахарницу. Перебьется!

– Уууу, мать. Плохи твои дела. Сидеть тебе в девках до скончания века.

– Ничего, посижу.

– К тому же бука.

– Какая есть.

– Даааа, Валечка. Придется взять тебя на воспитание.

Семирукова поежилась. Что я ему, ребенок, что ли? Если ему так хочется кого-нибудь воспитывать, пусть заводит детей и воспитывает их, а меня уже поздно. Валя набрала в легкие воздуха, чтобы высказать этому воспитателю все, что о нем думает, но скромность ей этого не позволила. Она отвернулась к окну, пряча свои дрожащие от обиды и негодования губы.

– Я вот чего пришел, Валентина. У меня по поводу орудия убийства появились кое-какие соображения.

Валя повернулась, обида растаяла на глазах. Следовательно приготовилась внимательно слушать.

– Той странной кукле с отбитыми головой и рукой много лет. Очень много.

– Сто? – наугад спросила Валя.

– Больше. Намного больше.

– Как это? – удивилась она. В ее представлении все, что было старше века, должно храниться в музее, а не валяться на помойке.

– По моим расчетам, эта кукла изготовлена в период неолита.

– Первобытными людьми, что ли?

– Не совсем. Первобытные люди такой сложной техникой не владели. Материалу не меньше пяти тысяч лет. Похоже на керамику дзёмон. Как ты понимаешь, это мои предварительные умозаключения, и поделился ими я с тобой по благу, – подмигнул эксперт своим серым, пронизательным глазом, отчего Валю бросило в дрожь, и ей показалось, что Сергей видит ее насквозь, как видит предметы, что попадают к нему на экспертизу. Она для него тоже предмет для исследования.

– Официальный отчет получишь позже, а это пока пища для размышления.

– Спасибо, Сергей Викторович, – с чувством поблагодарила его Семирукова. Ради работы она готова была простить эксперту и поучения, и неподанный стул.

– Кушайте на здоровье. И вот еще что. Рука и голова у куклы были отбиты недавно – сколы свежие.

– То есть вы хотите сказать, что они откололись при ударе о висок Плюшева и их следует поискать на месте преступления?

– В верном направлении думаешь, Валечка. Только на пустыре стоит искать голову куклы, а ее рука была отбита несколько раньше.

– Неужели еще один труп?

– Не обязательно, но и не исключено.

На этой «жизнерадостной» ноте Потемкин допил «помой» без сахара и откланялся, озадачив Валентину головоломкой.

* * *

– Михаил, нужно поискать голову от куклы.

– Нужно – поищем. Только где?

– На месте преступления. Потемкин сказал, есть вероятность, что она была отбита при убийстве Плюшева.

– О том, что ее нужно искать, тоже Сергей Викторович надоумил? С него станется. Как ты это представляешь, Валечка? Голова куклы, должно быть, с гулькиным нос, и искать ее на заросшем травой пустыре да после дождя все равно что иголку в стоге сена.

– Но вы все же поищите.

– Поищем, куда же мы денемся, – вздохнул Михаил. – Но это пустая затея – не найдем мы ничего! А если найдем, на ход расследования она мало повлияет. Я понимаю, ты у нас процессуальное лицо и все такое, а наше крестьянское дело выполнять поручения и умных вопросов не задавать. Но я, как старый сыскной волк, вот что тебе скажу...

Валя поморщилась. Небесову чуть за тридцать, а он уже старый, да еще и волк. Всем, ну всем хочется ее научить уму-разуму!

– В этом деле все проще, чем тебе кажется. Смотри, какой расклад получается. Плюшев был одинок, близких родственников, кроме сестры, не имел. Значит, квартира достанется ей. Из чего следует, что у нее прямой интерес в смерти брата.

– Но ведь Казарцевой есть где жить. И это ее единственный брат! – возразила Валентина. Ей казалось невероятным, чтобы близкие люди убивали друг друга из-за квадратных метров. Она все понимала, бывает, что дележ бутылки приводит к семейной трагедии, но такое происходит среди маргиналов, а Дарья Казарцева производит благоприятное впечатление.

– Валечка! Не смей меня! У Казарцевой сын подрастает, ему потом захочется жить отдельно, да и квартиры никогда лишними не бывают. А что брат, так это ни о чем еще не говорит – встречаются персонажи, готовые мать родную придушить ради собственной выгоды.

– Допустим, Миша, вы правы и Казарцева причастна к убийству брата. Но, кроме ваших домыслов, против нее ничего нет. Где доказательства?

– Я, Валечка, пришел к тебе не с пустыми руками, – широко улыбнулся Михаил. Ему нравилась роль старшего товарища. – Во время поквартирного обхода я решил заглянуть на огонек к Казарцевой. Посмотреть, что да как. Когда погибает человек с одним-единственным родственником, по-любому этот родственник попадает под подозрение. Казарцева, надо сказать, моему визиту не обрадовалась. Впустила со скрипом и сразу же объявила, что ей скоро нужно идти в салон красоты. Ясное дело, до моего прихода она никуда не собиралась.

– С чего вы это взяли?

– Валечка, такие дамы, как Казарцева, в салон красоты ходят только для того, чтобы подстричь волосы. Поверь старому гусару – у меня в этом деле глаз-алмаз.

Следователь не стала спорить. Она сама не помнила, когда в последний раз была в салоне красоты. И, как верно заметил Небесов, ходила туда лишь для того, чтобы подстричься. Но вслух она это говорить не стала, чтобы не выглядеть не следящей за собой клушей. Хотя, если у старого гусара глаз наметан, он это понял. Ее так и подмывало спросить, сколько Михаилу лет, раз он считает себя старым. Он ведь один из самых молодых оперов в отделе. И ростом – не гренадер, и внешность у него так себе: кустик белобрых волос, словно коровой жеванный, бесцветные брови, невыразительные глаза... – словом, не красавец. Ему в свое время тоже небось доставалось от коллег, все принимали за мальчишку, вот он и отыгрывается.

– Ну, а может, Казарцева как раз записалась на стрижку?

– Зачем? У нее прическа подновлялась от силы неделю назад.

И здесь Михаил был прав. Стильная стрижка Дарьи была свежей, это Валя и сама заметила.

– Я нахально попросил чаю, и пока хозяйка с ним возилась, я успел осмотреть ее вещи. У Казарцевой в шкафу лежит парик. Угадай, какого цвета?

– Вы проводили обыск без санкции и понятых?! – возмутилась Валя.

– Неофициальный можно, – усмехнулся Миша.

– Но вы же понимаете, что добытые таким образом улики я не могу приобщить к делу.

– Понимаю, – лукаво прищурился Небесов, отчего его небольшие глазки превратились в щелочки. Он продолжал вести разговор в снисходительном тоне, но теперь его тон Валю не раздражал, ей стало интересно, что такого узнал оперативник.

– Парик у Дарьи рыжий? – предположила она.

– Умница! Рыжий, с пышными, длинными волосами, как описал Рыбаков. Но и это еще не все.

– Что же еще?

– В том же шкафу я видел босоножки на высоком каблуке. Лежали не вместе со всей обувью, а отдельно в пакете, словно она хотела их спрятать от посторонних глаз. Но самое интересное не это. Я съездил в «Успех» и узнал весьма любопытную подробность. Оказывается, в ночь на седьмое августа Казарцева отпросилась с работы и ушла в одиннадцать вечера.

– Вы хотите сказать, что она могла быть на пустыре, когда погиб ее брат?

– Именно. И не только была, но и поспособствовала его кончине. Вот такие дела, Валечка.

* * *

В следующий раз перед разговором с Казарцевой следователь Семирукова настроила себя больше не миндальничать с Дарьей Витальевной ввиду ее горя, поскольку в свете открывшихся обстоятельств вполне могло статься, что она сама помогла братцу отправиться в мир иной.

– Какие у вас были отношения с братом? – строго спросила Валентина с места в карьер, как только Казарцева вошла в ее кабинет и расположилась на предложенном ей стуле.

– Родственные, – не усмотрела в вопросе подвоха Дарья.

– Вы не ссорились? Брат с сестрой часто не ладят, – подсказала Валентина.

– Ссорились, конечно. А кто не ссорится?

– Что служило причиной ссор?

– Да разное. И не ссоры это были, а так – разногласия.

– А вот соседи говорят, что не раз слышали из вашей квартиры разговоры на повышенных тонах. Как вы это объясните?

Валентина мысленно поблагодарила расторопного небесова, успевшего еще раз навещать на Яхтенную улицу и опросить соседей Плюшева и Казарцевой.

– Ох уж эти соседи... Ох уж эти панельные дома! Ни чихнуть, ни вздохнуть, чтобы не услышали за стенкой. Это голос у меня такой – громкий, вот соседям и кажется, что я кричу. Они нарочно обо мне так сказали, и все из-за того, что я не хотела железную дверь в общем коридоре ставить. У меня ребенок с ней не справится. Он и так с замками на входной двери в квартиру мучается, а тут еще одна дверь появилась бы. Никто о детях думать не хочет, лишь бы свое барахло в общий коридор выставить и захлупить его! И так теснота. Думают, если дверь не поставят, растащат их «золото». А дверь, между прочим, денег стоит. Может, для кого-то тысяча рублей – пустяк, а у меня она не лишняя.

– Понятно. Соседи, значит, вас оговорили. Скажите, Дарья Витальевна, где вы были в ночь с шестого на седьмое августа, когда погиб ваш брат?

– Так я уже говорила вашим сотрудникам. Дома была.

– Это кто-нибудь может подтвердить? Вы были одна?

– Одна. Сын в поселке у бабушки на каникулах. Я всегда его к бывшей свекрови на лето отправляю. А больше никого у меня нет. Как говорится, мать-одиночка – сын или дочка.

– Как вы провели день накануне – шестое августа?

– Да как... – впала она в раздумья. – Как обычно. У меня была вечерняя смена, поэтому с утра магазины, домашние дела, потом на работу.

– Когда вы вернулись с работы, сколько времени было?

– Ну, я на часы не смотрела. Часов одиннадцать где-то.

– У вас есть парик?

– Что? – не ожидала она вопроса.

– Парик. У вас короткие волосы, поэтому вполне возможно, что вы иногда надеваете парик, – предположила Валя. Не нужно, чтобы подозреваемая раньше времени насторожилась. Но Казарцева все же почуяла неладное. Голос у нее дрогнул.

– Есть, а что?

– А босоножки на высоком каблуке?

– Есть, – произнесла она встревоженно.

– Примерно в то время, когда погиб ваш брат, на пустыре видели рыжеволосую женщину, одетую в короткую юбку, куртку до талии и босоножки на высоком каблуке. У вас ведь есть мини-юбка и куртка до талии?

– Вы думаете, что это я?! Я убила Елика?!

– Я пока ничего не думаю, но факты налицо.

– Ах, налицо! Да как вы можете! Это мой единственный брат! Ничего святого нет!

Валентина проигнорировала выпад в свой адрес. Ее не раз предупреждали старшие коллеги, что от преступников можно услышать всякое, и тут важно иметь крепкие нервы в сочетании с толстой кожей.

– Судите сами: копна рыжих волос, короткая юбка, босоножки на высоких каблуках, в которых разве только на сцену, – около полуночи дама в таком виде торопливо идет от пустыря и скрывается в подъезде шестого дома. Вы, Дарья Витальевна, седьмого августа должны были работать до утра, но накануне вечером отпросились с работы. Как раз чтобы оказаться на пустыре и подкараулить там своего брата.

– Какой бред!

– Естественно, бред. Другого мнения от вас никто не ждал. Вы хоть не в шестом доме живете, но рядом, и парик у вас есть, и мини-юбка, и босоножки.

– Ну и что, что есть? У всех они есть.

– У меня, например, нет.

– Сочувствую, – зло процедила Казарцева.

Валентину передернуло. Сама виновата – нечего палку перегибать – увлеклась своей обличительной речью, вот и получила по носу. С ее ногами короткую юбку не наденешь, и едкая Казарцева не преминула на это указать.

– Вы не пошли в свой дом, вероятно, потому, что вас видел Рыбаков. В такое позднее время мало кто шатается в спальном районе, и вы надеялись проскочить незамеченной, а тут пенсионер с заболевшим псом нарушил ваш замысел. И в одиннадцать вечера домой вы приехать не могли, так как с работы вы ушли в десять сорок. А от «Успеха» до вашего дома часа полтора, не меньше. Так что по времени все сходится – вы были на пустыре как раз во время убийства вашего брата.

– Я такси взяла. Голова разболелась и дождь. Решила потратиться, – стала оправдываться Дарья, о чем-то задумавшись.

– В какой компании вы заказывали такси? Мы должны проверить.

– Ни в какой. Вышла на улицу и остановила машину. Я же не знала, что дождь идет, а если такси заказывать, то его ждать приходится, а тут возле «Успеха» как раз машина проезжала.

– Номер вы, конечно, не запомнили.

– Нет. Даже не смотрела на него. А зачем? Только на водителя. Степенный мужик, вполне приличный на вид. И сумму приемлемую запросил – в общем, обычный калымщик.

– Частник, значит. Его теперь не найти и не опровергнуть ваши показания. Что же, пока можете идти. Вот здесь распишитесь, – протянула Валя протокол.

Дарья, не читая, поставила размашистую подпись. Она встала, подошла к двери, но остановилась.

– Рыжая из шестого дома... – задумчиво произнесла Казарцева. – Это же... Катька! – осенило ее. – Ну да, она самая. Всю жизнь Елику испоганила, змеюка! Не хотела говорить об этом, грязное белье напоказ вытаскивать, – поморщилась Дарья. – Память о брате омрачать. Но видно, придется.

Елик был безотказным, и все этим пользовались: и коллеги, и друзья. Кому в выходные и праздники работать? Елисею! Он же одинокий, ему детей в зоопарк не вести и к теще на блины не ехать. А друзья? Как говорится, таких друзей да в музей! Друг его Димка Мохнаткин – одно название, а не друг. У Мохнаткина жена, маленькая дочка, бизнес – они с Еликом ровесники, а Димка его на сто шагов обошел. У Димки кроме основной работы в строительной компании свой ларек. Хоть бы Елика взял к себе, глядишь, и мой брат какую копейку заработал бы, а то гол как сокол. Но это, конечно, их дело, они мальчишки большие, сами разберутся, – так я всегда думала относительно бизнеса, а вот что касается личных отношений, здесь я молчать не могла.

Димка еще ничего, а вот его жена Катька та еще штучка. Типичная потребительница. С мужем она не наглеет – держится паинькой, хотя иногда с тормозов срывается – все-таки трудно долго играть не свойственную ей роль зайки. Если бы не боялась потерять мужа, давно бы на голову ему села, а пока только на шее висит – Дима ее полностью содержит. Катя из породы кровососущих женщин – ей как воздух необходима жертва, чтобы капризничать, на ком-то вымещать свое дурное настроение и чувствовать свою значимость. Нетрудно догадаться, что Катиной жертвой был мой брат – мягкий, добродушный Елик. Катька рассматривала Елика как свою собственность. Вертела бывшим поклонником, как хотела.

– Ваш брат был Катиным поклонником?

– Когда-то давно у Елика с Катей был роман. Они познакомились в школе на вечере встречи выпускников. Катя тогда только школу закончила. Хороша была: стройная, яркая: волосы – огонь, веснушки озорной россыпью, щеки румяные, глаза блестят. К эффектной внешности прилагались фонтан энергии, задор и веселье. Тогда в ней еще не было столько стервозности, как теперь. Мой дурак в нее влюбился до безумия, жениться хотел. Спасибо господу – отвел. Катенька держала Елика на коротком поводке, чтобы было с кем скоротать время, пока на горизонте не появится более перспективная партия. Встретила Катя Диму Мохнаткина, друга Елика. Мой брат сам их познакомил, а потом чуть с другом из-за нее не разругался. Катя конфликт сгладила, как она это умеет. А она умеет, уж не сомневайтесь! Мастерница хвостом вертеть и мозги пудрить. Когда надо улыбнется, когда надо, зубы оскалит. Когда у них с Димкой все серьезно закрутилось, Катя Елику отставку дала. Нежно так, и как будто тем самым ему услугу оказала. Ты бы не вынес мой вздорный характер, пояснила. Ради, мол, твоего блага стараюсь, собой жертвую. Ага, вот такой вот альтруизм. Исключительно ради Елисея она за Мохнаткина вышла замуж! Мы же с тобой были только друзьями, говорит, ими и останемся. У нас с тобой были ни к чему не обязывающие отношения, как это у вас, у мужиков, называется. Тут тот редкий случай, когда я с Катериной солидарна. Не отвел в загс – свободен! Какие могут быть претензии? Хотя мой дурак Катьке расписаться предлагал, а она отвертелась. Я же говорю – лиса.

Елик психанул, даже запил, уехал на полгода с глаз долой в Карелию на заработки. Потом нашел другую девушку. Успокоился. С Димкой помирился – их работа тогда связывала, да и друзья – как тут не помиришься. Ну и Катя тут как тут. Глазками хлопает, как ни в чем не бывало: мальчики, вы в боулинг играть? Я с вами! И развлекайте меня, ибо я девочка – единственная в вашем коллективе! Но теперь уже с нее взятки гладки, раз у Елика новая подруга, то она перед Еликом ни в чем не виновата. Правда, с той девушкой Елик быстро расстался. Так и жил несколько лет – встретит кого-нибудь, год – полгода, а то и меньше, и разбегаются. Но вот с Мохнаткиными никак ему не расстаться было. Это называлось друг семьи. Очень удобно, между прочим. Для Мохнаткиных, разумеется. Катя не стеснялась по любому поводу обращаться к Елику. Он у нее и в няньках сидел, когда ее величество в салон красоты ходили, и «по дороге» на автомобиле подбрасывал, хотя ему совсем было не по дороге. А уж когда они куда-нибудь ехали вместе отдыхать, то бишь Димка с семейством и Елик, то мой братец у Кати что холоп был: принеси, унеси, подай, присмотри за дочкой, пока мы пойдем в ресторан, – ты же все равно никуда не собирался, а у нас романтический вечер. Ты друг нам или нет?

Женщины Елику доставались исключительно потребительницы. Они вили из него веревки, каждой только дай, дай, дай. Елик ведь олигархом не был и воровать не умел. Поэтому, ободрав его как липку, дамы отчаливали, наговорив на прощание гадостей и обиженно поджав губки.

Но вот появилась у него однажды хорошая девушка. Симпатичная блондиночка с нежным голосом и скромным взглядом. Лена работала телефонным консультантом в отделе продаж. Работа, надо сказать, неблагодарная. Клиенты в основном требовательные и нетерпеливые, и нахамить могут, и чуть что, сразу жалобами грозят, а отвечать надо вежливо и

обстоятельно. С такой задачей не каждый справится, а Лена справлялась. И вне работы она оставалась милой и приветливой. Я как увидела ее, за брата порадовалась, думала, наконец-то ему повезло, может, поженятся они и заживут семьей. Но не тут-то было. Этот оболтус побежал знакомить Лену со своими «лучшими друзьями» – Мохнаткиными. Сиял, как медный таз, думал, они будут счастливы. Друзья порадовались, как же. Особенно Катька. Димка еще ничего, он женское общество любит – тот еще бабник, но в руках себя держит, на девиц друзей рот не разевает. От Кати ничего хорошего ожидать не следовало. Эта змея сразу почуяла соперницу и бросилась ее устранять. Чтобы ее верный холоп теперь занимался не ее семейством, а своим? Чтобы он хлопотал не о благополучии ее величества, а о благополучии возлюбленной? А ну как Елик детьми обзаведется, ему же станет совсем некогда нянчиться с их Люсей! И началась партизанская война против оккупантки, посягнувшей на личное имущество Мохнаткиных, на Елика. Катя развернула боевые действия по полной программе. И Димке про Лену гадостей наговорит, и Елику, даже мне пыталась, только я это сразу же пресекла. Нечего, говорю, подзуживать и лезть в чужую семью! Катя сразу физиономию скривила, но ничего мне не ответила – не дура, поняла, кем можно вертеть, а кто ее слушать не станет.

Катя с Еликом и так держалась госпожой – подай, принеси, – а при Лене совсем разошлась. Ей необходимо было показать, что королева здесь она. У себя дома за очередным ужином, куда были приглашены Елик с Леной, она дала прикурить. Сидит, ручки сложила и кокетливо так говорит: мальчики, кто мне нальет вина? И на Елика вопросительно смотрит. Елик, естественно, откупорил бутылку и принялся разливать вино. Катя закапризничала: хочу другое! Он открыл другое. К нему фрукты надо! Елик, как холоп, подвигает ей тарелку винограда. Вот незадача – у Кати падает вилка. Мой братец коршуном бросается ее поднимать. Поднял, на стол кладет и натывается на строгий Катин взгляд, в котором читается: ты в своем уме?! А если там микробы? Так оторви свой зад от дивана и сходи вымой. Хозяйка дома, называется. Елик покорно идет на кухню за другой вилкой, чтобы ее величество не подхватили инфекцию. За все время, пока мой бестолковый братец обслуживал Мохнаткину, Лена сидела как бедная родственница, чувствуя себя совершенно лишней. Двух таких показательных выступлений хватило, чтобы Лена перестала ходить к Мохнаткиным в гости. При этом Елик наносить визиты к друзьям не прекратил – ну как же! Обидятся!

Думаете, откуда я все это знаю? Во-первых, я не первый год знаю Катьку со всеми ее фокусами, а, во-вторых, когда у Лены с Еликом случилась размолвка, я ее нашла, чтобы поговорить по-бабьи, по душам. Она жаловаться не хотела, но все-таки рассказала. Я, само собой, с братцем поговорила. Он даже и не понял, о чем речь. Елик считал, что стелиться ковриком перед другой женщиной на глазах у своей нормально. Лена ведь все понимает! Она не такая, как Катя, не скандалистка. А вот Катенька, если что не так, закатит истерику, от которой в первую очередь пострадает его друг. И всем остальным заодно достанется. И чтобы спасти вечер, можно наплевать на душевное состояние невесты. Ведь она же умная и терпеливая, она все поймет. Дурак, что и говорить!

Гадости Катя делала мастерски и вроде бы с благими намерениями. Например, снимала со спинки кресла волосок Лены и как бы невзначай говорила: какой ломкий и посеченный. Я подарю Лене лечебный шампунь. Нет, не при Лене, чтобы та не поставила ее на место, но так, чтобы слышал Елик. Или могла сказать: жалко Леночку, она так старалась, когда готовила суп, но он у нее не получился. Я ее обязательно научу готовить. А бывало и круче: Лене уже двадцать восемь, в таком возрасте опасно рожать. Мужики в этом вопросе мало что смыслят, а мнение рожавшей женщины для них авторитетно. Елик все это слушал и на ус наматывал. Выходило, что невеста у него не без изъянов. Но это все ничего, он и такую ее любил, поэтому Катя, чтобы наверняка внести разлад в отношения между Еликом и Леной, пустила в ход тяжелую артиллерию. Мохнаткины пригласили Елика в гости на семейный ужин. Теперь уже без

Лены. Выйдя с мужем на кухню и улучив момент, когда Елик наверняка услышит их из холла, она завела такой разговор:

– Ты только не говори Елику, не хочу его расстраивать.

– А что случилось? – спросил Дима.

– Да нет, ничего, просто я подумала... – Катька играла, как актриса провинциального театра.

– Что-то серьезное? – настаивал муж.

– Я видела Лену с другим, – сдалась-таки Катя. – Только не говори Елику!

– Да ну, может, просто коллега по работе или родственник, – не поверил Дима.

– Он ей цветы подарил – красивый букет из тигровых лилий, и они целовались.

– Ты ничего не путаешь? Может, это не Лена была?

– Лена. Я ее хорошо разглядела.

– Надо же, какая стерва!

Елисей слушал все это и закипал от негодования. У них дома недавно появились тигровые лилии, а Лена сказала, что купила их у старушки возле метро. Жалко ей стало бабулю, последний букет у нее остался и цветы красивые. А он, дурак, поверил!

Когда Катя вышла в гостиную с пирогом, Елик пробубнил что-то невнятное про срочные дела и угрюмо ушел.

В общем, с Леной мой братец расстался. А жаль – очень хорошая была девушка, – заключила Дарья свой рассказ.

– Все это любопытно, только какое отношение это имеет к делу?

– Ну как же? У Кати рыжие волосы, как вы сказали. Одевается она по моде, на высоких каблуках ходит... И живут Мохнаткины на Яхтенной улице, в шестом доме!

– Допустим, это была Екатерина Мохнаткина. Только зачем ей убивать вашего брата? Где мотив?

– Я и не говорю, что Елика убила Катька. Это сделал кто-то из ее любовников. Катька – еще та вертихвостка, гуляет направо и налево, пока муж не видит. А вы думаете, чего она так одевается и чепурится, когда Дима в разъездах? И вообще, знаю я ее. К бабке не ходи, втянула моего брата в одну из своих любовных интрижек! Уже были случаи, – хлопнула носом Казарцева.

– Хорошо, мы проверим, – сделала пометку в тетради Валентина. – И еще. Почему вы сказали, что работаете администратором? Вы ведь в «Успехе» отнюдь не администратор.

– Не администратор. А что я, по-вашему, должна была говорить?! – вспыхнула Казарцева. – Что я танцую у пилон? Если хоть одна собака в округе узнает правду, моего сына в школе заклюют! Уж поверьте, сарафанное радио работает исправно. Мать – танцовщица Go-Go – как звучит! Для большинства это все равно что стриптизерша. Мало кто разбирается в танцевальных направлениях. Я, между прочим, танцую в одежде и без всяких приватностей. Да, я не в элегантном бальном платье скольжу по паркету, а, полуголая, извиваюсь у шеста. Выгляжу я порой вызывающе – короткая юбка, обнаженные плечи, я ношу парики и ярко крашу губы. Этого требует сцена! Да разве же это родительскому комитету объяснишь? Для них я – стриптизерша, а где стриптизерша, там и проститутка. Я попросила начальство, чтобы оформили меня администратором. Мне пошли на уступки – в частной лавочке договориться можно.

* * *

Беседа с Дарьей Казарцевой оставила у следователя Семируковой впечатление, что сестра погибшего сильно обижена на Катю. Катя, Катя, Катя... – повторяла она на протяжении всего разговора, будто Катя Мохнаткина была самым важным человеком в их с братом окружении. Уж не ревнует ли она? – заподозрила Валя. Вполне может быть. Дарья для Елисея была един-

ственной родственницей, и он, судя по всему, ее любил – машину отдал, лучшую квартиру уступил. А тут какая-то Катя, как кость в горле.

Мотива убивать Плюшева у Кати вроде бы не было. Он, по словам Дарьи, был ее верным слугой, а слугами не разбрасываются. Все равно надо бы познакомиться с этой Катей и с ее мужем тоже, раз они были друзьями, решила Семирукова.

Валентина взяла телефон и связалась с оперативниками.

– Наведите мне справки по Мохнаткиным – Дмитрию и Екатерине. Плюшев был другом их семьи. Они живут на Яхтенной улице в шестом доме.

– Уже наводим. Завтра доложимся, – прозвучал бодрый голос небесова. – Екатерина рыжая, подходит под описания Рыбакова. Мы ее во дворе заприметили, когда на Яхтенной работали.

– А что там с отколовшейся головой куклы? Нашли?

– Нет, конечно. Мы не боги. В густых зарослях пустыря да среди мусора найти такую мелочь – утопия.

– Поэтому и не искали, – сказала Семирукова. – Хоть по Мохнаткиным работаете, и на том спасибо.

Валентине не давали покоя слова Потемкина, сказанные ей «по блату» по поводу орудия убийства. Валя достала фотографию обезглавленной куклы и стала ее рассматривать.

Непропорционально большие ноги, уцелевшая правая рука, живот, грудь – фигурка была женской и изяществом не отличалась. Хотя чего можно ожидать от эпохи неолита? И так эта кукла слишком искусно сделана для того времени. Сначала Валя, как и небесов, решила, что это безвкусная китайская поделка, коих полным-полно в каждой сувенирной лавке.

А оказалось, что этот кусок обработанной глины относится к культуре дзёмон! Подумать только! Такая древность! От одной мысли захватывает дух.

Когда Потемкин упомянул про дзёмон, Вале захотелось спросить его, что это такое, но она промолчала, чтобы не выглядеть невеждой в глазах эрудированного эксперта.

Валентина покопалась в справочниках и узнала, что термин «дзёмон» означает «след от верёвки». По названию техники украшения глиняной посуды и фигурок шнуровым орнаментом получил наименование период истории.

Период дзёмон зародился в XIII веке до нашей эры и продолжался до 300 года нашей эры. Судя по тому, что фигурка, обнаруженная на пустыре, имеет развитые формы и сложный орнамент, она относится к периоду позднего дзёмона.

Предназначение керамической фигурки оставалось для Семируковой непонятным. Наличие груди у куклы указывало на то, что она принадлежит особе женского пола. Возможно, она символизирует мать богов. Поклонение женскому божеству, знаменующему плодородие, было распространено у западных земледельческих племен.

Основоположники верёвочного орнамента айны проповедовали анимизм. Они верили в одушевленность природы, поэтому бережно к ней относились. Особенно почитали огонь и считали, что в доме он должен гореть всегда. Погасший огонь предвещал беду в семье. Огонь поддерживали женщины, они не могли надолго отлучаться из дома, а мужчины были добытчиками. Такое положение вещей больше присуще патриархату.

Айны с особым почтением относились к медведю. Мужчины приносили из леса медвежонка и заключали его в деревянную клетку. Медвежонок вскармливался грудью женщины, что было чуждо любому другому народу, кроме айнов. На протяжении всего времени, пока медведь жил в общине, айны относились к медведю с почтением, а когда он вырастал, в медвежий праздник его убивали. Это действо сопровождалось песнями, танцами, пиршеством и одновременно плачем. Айны просили у медведя прощения за то, что лишили его жизни, но иначе он не смог бы отправиться к духу гор и передать ему, что племя заслужило благосклонность богов.

Айны создали необычную и богатую культуру. Их орнамент, резьба и деревянная скульптура удивительны по красоте и выдумке. Следы существования этого народа обнаружены в местах неолитических стоянок на Японских островах. Именно там зародилась дзёмонская культура.

Для японцев айны были всегда только варварами. Но, несмотря на это, большую часть своей культуры, религиозных представлений, военного искусства и традиций японцы переняли именно у айнов. В частности, самурайское сословие средневековой Японии переняло у айнов обряд «сеппуку» («харакири») – способ самоубийства путем вспарывания живота кинжалом, истоки которого уходят в глубокую древность – к языческим культам айнов.

Айны – аборигены Японских островов, народ, населявший низовья Амура, юг полуострова Камчатка, Сахалин и Курильские острова. Загадочное племя, представители которого считают себя спустившимися с небес. Айнский язык не похож ни на один из языков мира. Белолицые и прямоглазые, айны по своему внешнему облику разительно отличаются от других народов Восточной Азии. Они явно не монголоиды, скорее тяготеют к антропологическому типу Океании. Так же, как у жителей Австралии и Новой Зеландии, в орнаментах айнов часто присутствует змея.

Несмотря на то что японцы и европейцы застали это племя жившим в хижинах и землянках, с длинными, сбившимися в колтуны волосами, нестриженными ногтями, в неопрятной одежде, есть факты, указывающие на то, что раньше это был высокоразвитый народ.

У айнов причудливо и противоречиво переплетаются черты северных и южных жителей, элементы высокой и примитивной культур; в преданиях айнов рассказывается о сказочных сокровищах, крепостях и замках, которых у них никто никогда не видел.

Ныне айнов осталось совсем немного, они живут на острове Хоккайдо. Об айнах известно не много. Японцы предпочитают не уделять культуре айнов внимания, позиционируя этот народ как отстающий в развитии и замкнутый.

Не найдя ответа на вопрос о предназначении керамической фигурки, Валентина все-таки решила задать его Потемкину.

Она набрала его номер и изложила суть дела. Нисколько не удивившись вопросу, Сергей ответил на него бойко и обстоятельно, как вызубривший урок отличник.

– Дело в том, что керамические статуэтки древними айнами использовались для лечения болезней. Они изображали людей, страдающих от каких-либо недугов. В такие фигурки при помощи наговоров айны переносили болезни пациентов, и затем фигурки разбивались, тем самым избавляя больных от страданий. – В голосе Потемкина послышались нотки ехидства.

Чтобы Сергей, по обыкновению, не принялся опять ее чему-нибудь учить, Семирукова поблагодарила его за информацию и положила трубку.

А может, эксперт ее разыгрывает, и никакой это не осколок древности, а вполне современная безделушка? – закрались у Валентины сомнения. Нет, Потемкин – серьезный человек, и такими вещами не шутят! Она следовательно, а не девочка на свидании, которой можно морочить голову. Но, с другой стороны, все тут, и эксперт в том числе, воспринимают ее как девочку. Может, он таким образом хочет ее научить уму-разуму? Дескать, не верь на слово, а только бумаге. Официального заключения, в котором черным по белому было бы написано, что найденная на месте преступления керамическая фигурка относится к периоду неолита, ей никто не присылал. А то, что эксперт сказал, к делу не пришьешь. «Да мало ли кто что наговорит! – разозлилась Валя. – Взрослые дядьки, нашли себе забаву – сбивать с толку следователя! И ведь ничем их не прищучишь! Рапорт на них не напишешь – у них круговая порука – сама же крайней останешься».

Но, с другой стороны, версия про дзёмон такая притягательная! Как было бы здорово, если бы она оказалась верной! Ведь это так интересно – получить в производство не заурядную бытовуху, а что-нибудь таинственное, окутанное шлейфом загадок древности.

На следующий день, как и обещал, к Семируковой с докладом явился Миша.

– Дмитрий Николаевич Мохнаткин в ночь с шестого на седьмое августа был в Твери, чему есть документальное подтверждение, – перешел сразу к делу небесов. – Мохнаткин вообще часто ездит по работе. А вот его жена в это время находилась дома. Одна, если не считать трехлетнего ребенка. Но ребенок алиби составить не может. Самое любопытное, что Мохнаткины проживают как раз в той парадной, в которой, по словам Рыбакова, скрылась рыжеволосая женщина. Кстати, вот фото Екатерины, – небесов достал из папки несколько фотографий – крупным планом и в полный рост. С них смотрела миловидная, модно одетая молодая женщина. И ножки у нее что надо, короткую юбку нестыдно надеть, отметила про себя Валя. И вообще, она эффектная, мужчинам такие нравятся.

– Ну как, хороша? – игриво спросил он.

– Так себе, – пожала плечами Валя. – Но это к делу не относится.

– Не относится... – передразнил ее Миша. – Много вы, девушка, понимаете! Женщины делятся на красивых и некрасивых. Красивые к делу относятся гораздо чаще.

– Откуда такие сведения?

– Из богатого оперативного опыта. Сама посуди: из-за красоток чаще разгораются страсти, да и сами красотки склонны пускаться в авантюры. Дурнушке в кои-то веки выпадет женское счастье в виде соседа Васи, она им и дорожит, чтобы шаг влево или вправо, так это ни-ни.

– Красивые – некрасивые... Что за примитивная градация! – фыркнула Семирукова. Уж ее-то красоткой никто никогда не считал, и этот небесов смотрит на нее со своего невеликого росточка и, поди ж ты, мнит себя царем горы.

– Как знаешь, Валечка, можешь верить, можешь – не верить, но так оно и есть. Мы, мужики – неважно, интеллектуалы или дегенераты – шею свернем, оборачиваясь вслед красавице, ради нее многое сделаем, в то время как на замухрышку даже не взглянем.

– «Мы»... Не надо обобщать, – уколола его взглядом Семирукова. Ей надоело слушать шовинистские рассуждения. – А что Рыбаков? Опознал Мохнаткину?

– Затрудняется с ответом. Говорит, что вроде бы похожа, а вроде и нет. Он плохо ее лицо разглядел, больше на ноги пялился.

– Рыбаков на ноги пялился?! Ему же шестьдесят лет!

– Да хоть бы и девяносто! Мы, мужики, всю жизнь пацаны.

Ну да, а мы после двадцати пяти уже старые девы, после тридцати и вовсе должны подумывать о душе, отметила про себя Семирукова. Этот капитан наверняка и ее считает бабушкой. Знает она эту породу мужчин – они отчаянно боятся стареть, поэтому всеми силами цепляются за уходящую молодость: носят молодежную одежду, не обзаводятся семьей, потому что им «еще рано», и девушек предпочитают исключительно юных, чтобы самим казаться моложе. Ходят вместе с ними на дискотеки, торчат в ночных барах, играют в боулинг, и все ради того, чтобы остаться в обойме.

Небесов следователя уже не смущал. Валя сочувственно окинула взглядом Михаила: футболка с надписью «Cool», потертые джинсики и заношенные кроссовки; за плечами у опера болтался неизменный рюкзачок с брелоком – мягкой игрушкой. Ее всегда смешили такие подвески на вещах у взрослых мужчин. Они смотрелись нелепо и сразу отправляли их хозяев в лагерь инфантильных людей.

– Миша, как вам показалось, Катя могла убить Плюшева?

– Могла ли Катя убить? – задумался небесов. Он вспомнил, как пришел к ней домой. Во время поквартирного обхода женщина дверь не открывала, хоть и находилась дома. Либо боится открывать незнакомым людям и сомневается, что к ней пришел представитель правоохранительных органов, а не проходимец с поддельным удостоверением, либо ей есть что скрывать от полиции.

Тогда Михаил решил прибегнуть к уловке. Попросил соседку с нижнего этажа, чтобы она позвонила в дверь Мохнаткиным. Михаил встал на лестничной площадке в закутке. Соседке открыли не сразу. Сначала раздался еле слышный голос за дверью – хозяйка попыталась решить вопрос, не отпирая двери, но потом все же сдалась.

– Что вам? – спросила она не приветливо в дверной проем.

– Добрый день! Мне... мне ничего. К вам товарищ, – кивнула соседка в сторону подошедшего оперативника. При виде Небесова Мохнаткина хотела закрыть дверь, но не успела – нога Михаила протиснулась в щель.

– Что же вы, госпожа Мохнаткина, так настойчиво игнорируете правоохранительные органы? Это наводит на определенные мысли.

– Ничего я не игнорирую! – отступила она от двери, но в дом не пригласила.

Небесову приглашения не требовалось – он вошел в квартиру, воспользовавшись замешательством хозяйки. В кокетливом шелковом халате, изящных тапочках из белого атласа с норковой отделкой, при макияже, с огненной гривой волос и по-детски распахнутыми серыми глазами, Катя выглядела девушкой-куклой, украшением интерьера, ангелом-хранителем домашнего очага. На их с Небесовым голоса из комнаты прибежала заспанная девчушка. Она тут же уткнулась носом в мамин халат и что-то зашептала, недоверчиво оборачиваясь на гостя.

– Зайка, иди поиграй, пока мы с дядей поговорим. Подождите, я сейчас ей мультфильм включу.

Катя с дочкой ушли в комнату, а Небесов, не теряя зря времени, заглянул в шкаф с обувью.

Оперативник обомлел: столько туфель, сапог, босоножек всевозможных цветов и фасонов... Среди этого разнообразия он заметил подходящие под описание Рыбакова босоножки на высоченных каблуках.

– Проходите в гостиную, – предложила вернувшаяся хозяйка. К тому времени Небесов успел закрыть шкаф и принять непринужденную позу оставленного без внимания гостя.

– Я полагаю, вы уже в курсе, что Елисей Плюшев погиб.

– Да.

– Откуда вам это стало известно?

– Дима, мой муж, сказал. Он тогда был в командировке, ему позвонили.

– Кто ему позвонил?

– С работы. С бывшей. Их общий знакомый. Они раньше вместе работали.

– А вы? Где вы были в ночь с шестого на седьмое августа?

– Дома, где же еще? – возмутилась Катя, словно ее в чем-то обвиняли. При этом лицо ее исказилось в злобной гримасе.

– Это может кто-нибудь подтвердить?

– Что значит подтвердить? Я дома была! – продолжала закипать Мохнаткина. – И вообще, по какому праву вы меня допрашиваете?

– Я пока вас не допрашиваю, а всего лишь беседую. Кроме вас был кто-то еще дома?

Катя устала на Небесова. Маленький, невзрачный – и он еще смеет так разговаривать с ней, словно она преступница? В Катиных ярко накрашенных глазах читалось презрение. Она, конечно же, могла проигнорировать его вопросы и ничего бы он ей не сделал – права не имеет. Смекнув, что лучше ответить, тогда он быстрее покинет дом, Мохнаткина вымолвила:

– Да, дочь.

– Не свидетель, – заключил Михаил.

– Что значит не свидетель? Вы меня в чем-то подозреваете? Да кто вам позволил?! – взорвалась хозяйка. Это было уже слишком!

– Не шумите, дамочка! Под подозрение может попасть любой, и вы не исключение.

Катерина не нашла что ответить. Все ее аргументы закончились, а надутые губки на него не действовали – это она определила сразу и безошибочно. Таких типов ничем не прошибешь! Манера оперативника разговаривать ее возмущала, но что-то изменить она не могла. Катя лишь демонстративно отвернулась.

– Какие у вас были отношения с потерпевшим? – продолжал небесов, не придавая значения выкаблучиванию Кати.

– Нормальные. Нормальные дружеские отношения.

– Вы с ним дружили?

– С Еликом дружил мой муж, а я, естественно, поддерживала с ним хорошие отношения.

– В чем это выражалось? Плюшев приходил к вам, когда вашего мужа не было дома? Ведь Дмитрий Мохнаткин часто бывает в разъездах, не так ли?

– На что вы намекаете?! – зло ответила она, как показалось небесову, слишком быстро.

– Я ни на что не намекаю. Но буду иметь в виду, что здесь есть над чем задуматься.

– Вовсе нет, – пробормотала Катя.

– Кстати, ваш муж сейчас где?

– На работе он. Ваши сотрудники его уже допрашивали. Что вам еще от него надо?

– Значит, не все еще с ним выяснили.

– Послушайте, – примирительно сказала Катя. – Дима много работает, устает, и ему ни к чему после работы еще отвечать на вопросы полиции. Я с Елисеем, как и со всеми друзьями Димы, которые ходили к нам в гости, много общалась. Может, вам будет достаточно разговора со мной? Вы у меня спрашивайте, я расскажу все, что знаю.

Боже ты мой! Святая женщина! Какая беззаветная любовь к мужу! Ради его покоя она готова пожертвовать покоем собственным! Если бы не годы работы в розыске, оставившие неизбежный налет цинизма в его душе, небесов бы прослезился. Катю он видел насквозь. Если женщина, только что не желавшая его и на порог пускать, внезапно стала любезной, значит, он нащупал ее больное место. Катерине явно не хочется, чтобы он беседовал с ее мужем.

– Хорошо, – покладисто согласился Миша, думая, что Мохнаткина допросить они всегда успеют. – Итак, с самого начала. Как давно вы были знакомы с Плюшевым?

– Ну... лет десять, наверное.

– Где вы познакомились?

– Да я уж и не помню. На какой-то вечеринке, по-моему.

– В школе на дне встречи выпускников, – подсказал ей Миша.

Катя уставилась на него, хлопая ресницами. Она пыталась сообразить, насколько подробно осведомлен оперативник об их отношениях с Елисеем. По всему выходило, что достаточно подробно для того, чтобы задавать неудобные вопросы.

– Может, и в школе. Разве это так важно?

– Важно все. Итак, вы познакомились с Плюшевым десять лет назад, и у вас с ним завязался роман.

– Да какой там роман! Елик за мной ухаживал, как и другие мальчики, но ничего серьезного у нас с ним не было.

– А потом вы встретили Дмитрия.

– Да, я встретила Диму. И вышла за него замуж.

– Как на это отреагировал Елисей? Он продолжал за вами ухаживать?

– Нет, конечно! Они же с Димой были друзьями. Разве что помогал иногда по-дружески – подвозил куда-нибудь, когда Дима был занят, или дочку из садика забирал, но это ведь не ухаживания.

Стрекотанием сверчка прозвенел дверной звонок, оповещая о том, что кто-то пришел.

Катя насторожилась.

– Пойду открою. Это соседка, наверное, – растерянно пробормотала Катя.

– Никак за солью пришла, – поддел ее Миша и тенью прошмыгнул вслед за ней. Небесов слабо себе представлял, чтобы нынче в многоквартирных домах соседи ходили друг к другу в гости.

– Катюша! Ну как ты? Как Люсенька? А где Димочка? – рассыпаясь вопросами, в квартиру ворвалась дородная дама лет пятидесяти.

– Мама, тише, – Катя хотела куда-нибудь выпроводить гостью, но не успела – Небесов уже стоял тут как тут.

– Люся спит? – перешла на шепот дама. – А это кто?

– Оперуполномоченный капитан Небесов, – взмахнул он удостоверением.

– Ой, – ойкнула женщина. – Вы, наверное, из-за Елюши. Мне Катюша все рассказала. Какое горе, какое горе!

– Вас как зовут?

– Лидия Павловна я. Такой хороший мальчик был! Катюша, ты напоила капитана чаем?

– Мама, он уже уходит. Мне с ребенком надо заниматься.

– Лидия Павловна, я с удовольствием выпью с вами чаю, – возразил Миша.

– Катюша, ты иди к Люсе, а мы с молодым человеком сами справимся, – ей страсть как хотелось узнать подробности гибели Елисея.

Катя с нескрываемым недовольством ушла в детскую, а Небесов с ее матерью последовал на кухню.

– За что же его убили-то? Еличка ведь таким славным был, мухи не обидел! Нашлись ведь сволочи! Как только таких земля носит?! – Лидия Павловна вопросительно смотрела на Небесова, ожидая рассказа.

– Хватает всякого сброда.

– Вы уже кого-нибудь подозреваете?

– Ищем. Вы Елисея хорошо знали?

– Не так чтобы очень. Он хороший был парень, но немного замкнутый. Не любил делиться наболевшим, все в себе держал. А это, я считаю, неправильно. Выговариваться надо, иначе печаль душу изнутри выест. Ну уж, видать, уродился таким. За Каткой моей бегал, как привязанный. Одну ее любил. Я такую любовь только в кино видела. Дело к свадьбе шло. Он свататься приходил, и Катюша вроде бы согласилась, а потом возьми да за Димочку и выйди. Такая любовь была, такая любовь! Даже жалко. И любовь жалко, и Елюшу. Он тогда сам не свой сделался, с Димочкой в дым поссорился и уехал куда-то. Думала, что не увижу его больше, а потом гляжу, вернулся. И с Димочкой они помирились, и на Катю больше не дулся. А я думаю, и хорошо, что так сложилось. Что ни делается, все к лучшему! Ведь Еличка как был бобылем, так им и помер – ни ребенка, ни жены. Так что еще не ясно, как оно вышло бы, если бы они с моей Катей поженились бы. Может, он не способен был детьми обзавестись, и я тогда без внуков осталась бы. А так у меня уже второй на подходе!

– У вас кроме Кати еще дети есть?

– Вот именно что нет! Катюша у меня единственная дочь, и она ждет ребенка! – заулыбалась женщина. Ей было приятно делиться этой новостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.